

Лексичне наповнення поезії («гіпокризія», «конвенанс» тощо) якнайкраще передає колорит модерної доби. Цій же меті слугує відмова від традиційного катрену на користь п'ятивірша. Чергування стопності відтворює додаткове змістове напруження, психологізм, ніби надаючи крикові душі ліричного героя певної тілесної форми. Поява позасхемних наголосів у кожному вірші другої строфи пов'язане зі змістовим наповненням: це суцільна інвектива, поетичний прокльон зрадників народу. Графічний відступ у останній строфі є дієвим архітектонічним прийомом, що забезпечує реалізацію антитези першого та п'ятого віршів.

Отже, аналіз особливостей поетики класичних метрів у збірці «В свічаді плеса» С. Твердохліба свідчить, що поет відчував віяння нової доби. Віршова техніка поета у розробці різних класичних метрів справді вражає: тут мають місце численні збої ритму у межах строфи, що слугують індикатором додаткового психологізму або ж зміни точки зору. Досить часто автор використовує семантику кільця на лексичному та метричному рівнях. Експерименти з формою сонета свідчать про спроби демонстрації власної поетичної майстерності С. Твердохлібом у дусі кращих здобутків європейської поезії кінця ХІХ – початку ХХ століття.

Список використаних джерел

1. Габермас Ю. Філософський дискурс Модерну / Юрій Габермас. – К. : Четверта хвиля. – 2001. – 424 с.
2. Гундорова Т. Про явлення Слова. Дискурсія українського модернізму. Постмодерністська інтерпретація / Тамара Гундорова. – Львів : Літопис. – 1997. – 300 с.
3. Ільницький М. Від «Молодої Музи» до «Празької школи» / Микола Ільницький. – Львів. – 1995. – 318 с.
4. Ільницький М. Краси свічадо / Микола Ільницький // Розсипані перли : Поети «Молодої музи» / Упоряд., автор передм. та приміт. М.М. Ільницький. – К. : Дніпро. – 710 с.
5. Качуровський І. Метрика : Підручник для студентів філологічного факультету вищого навчального закладу / Ігор Васильович Качуровський. – К. : Либідь, 1994. – 120 с.
6. Квятковский А. П. Поэтический словарь / Науч. ред. И. Роднянская. – М. : Сов. энцикл., 1966. – 376 с.
7. Костенко Н. Українське віршування ХХ століття / Наталя Костенко. – К. : Видавничо-поліграфічний центр «Київський університет», 2006. – 287 с.
8. Лесная Г.М. Литературное объединение «Молодая Муза» у истоков украинского символизма / Галина Лесная // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. – 2003. – №3. – С. 129-134.
9. Лесная Г.М. Новая эстетика литературного объединения «Молодая Муза» как явление украинского предсимволизма / Г.М. Лесная // IV Славистические чтения памяти проф. П.А. Дмитриева и проф. Г.И. Сафронова / Материалы международной конференции 12-14 сентября 2003 г. – Санкт-Петербург, 2003. – С. 149-151.
10. Луцький О. Молода Муза / Остап Луцький // Світ. – 1906. – №1. – С.1.
11. Твердохліб С. В свічаді плеса / Сидір Твердохліб. – Львів : Загальна друкарня, 1908. – 79 с.

The article deals with poetic peculiarities of classic meters in the collection of poetry «V svychady plesa» by Sydor Tverdokhlyb. The lyrics are characterized by often shifts of meter, which are indicators of additional psychologism or a change of point of view. The author uses the ring semantics on lexical and metric levels.

Keywords: *architectonics, classic meters, metrics, metric semantics, «Moloda Muza», Sydor Tverdokhlyb, symbolism.*

Отримано: 23.06.2012 р.

УДК 821.161.1 – 1 «19»

Е.С. Лавриненко

ОБРАЗЫ РАЯ И АНТИ-РАЯ КАК РЕПРЕЗЕНТАТЫ КОНЦЕПЦИИ МИРА В ЗРЕЛОЙ ЛИРИКЕ В.Ф. ХОДАСЕВИЧА

У статті досліджується функціонування біблейського топосу в зрілій ліриці В.Ф. Ходасевича. Осмислення поетом буття людства, будови та характеристики земного і небесного світів через християнські сюжети, образи й мотиви набуло рис свідомої авторської позиції. Залучення біблейських образів і ремінісценцій до міфопоетичного простору сприяло створенню в ліриці Ходасевича оригінальної авторської концепції світу та людини.

Ключові слова: *інтертекст, райський топос, архетип, концепція буття, поетична картина світу*

В современном литературоведении интертекстуальный анализ литературного произведения является приоритетным и весьма перспективным. Об этом свидетельствуют многочисленные работы ученых, посвященные данной проблематике [3; 4; 5]. Выбор этого направления исследования представляется оправданным, когда речь идет об анализе поэтического творчества такого в высшей степени интеллектуального и максимально требовательного к слову поэта, как В. Ходасевич.

В данном исследовании предпринимается попытка выявления концептуальности использования библейского текста и образности в лирике В. Ходасевича с целью выявления оригинальности авторской позиции в трактовке концепции человеческого бытия в зрелой лирике поэта.

Актуальность данного исследования обоснована конструктивной функцией библейских архетипов, образов и реминисценций в художественной системе Ходасевича.

Образ мира в лирике Ходасевича несет на себе отпечаток эпохи, в которой он был создан. По замыслу поэта действительность искусственно преобразуется или трансформируется в ирреальность. Такие изменения были исторически обусловлены и выражены особенно ярко в переломные, кризисные эпохи, отмеченные знаками исторических катаклизмов времени. Одним из таких периодов были 1917 – 1920-е годы, эпоха революции и гражданской войны, а также последовавшая за ними вынужденная эмиграция Ходасевича. Творчество поэта в определенной мере впитало опыт современности и предшествующих поколений. Его произведения являют собой продукт осмысления той историко-культурной ситуации, свидетелем которой ему довелось быть. При этом заслуживает особого внимания глобализация, онтологический масштаб описываемых событий.

По Ходасевичу, основным свойством постреволюционного мира стал хаос. Поэт смотрит на мир сквозь призму страшной эпохи. Приоритетным становится социальное звучание стихотворений. Грешный земной мир, отступивший от сакральных констант бытия, получает негативную оценку. Так выстраивается яркий образ анти-рая (поэтический сборник «Тяжелая лира»), динамика которого задается образом бесовщины, кишачей в человеческом мире, символизирующей духовное рабство. Ощущение неблагополучия выражается в произведениях Ходасевича и с помощью устранения самой оппозиции небесного и земного мира: происходит сближение двух миров, но не за счет сакрализации дольного, а за счет снижения горнего мира, поскольку небесный мир, лишенный человеческих страстей, не может быть признан совершенным.

Сопоставление дольного и горнего миров выполняет конструктивную роль в стихотворении «Бельское Устье». Однако здесь можно говорить, пожалуй, о многомерной действительности. В первых трех строках изображается мир природы, объединенный с помощью анафорического зачина «здесь». Все образы естественного природного существования человека окрашены позитивно: «даль видна в просторной раме», речка, луг, ливни, радуга, приходские праздники, осенние свадьбы и разговоры об урожае, росистые поляны. Этим реалиям противопоставлен образ дождливого Петербурга – места обитания героя. Это мир эксплицируется через семантику тяжести («тяжелый башмак»), тумана, слякоти, болезни («дышу на них туберкулезом»). Третий пространственно-временной ярус представлен образом падшего ангела, «первого дачника», низвергнутого с «возвышенного Града / В долину мирных райских роз» и принесшего на Землю «на крыльях дымчатых» «дыхание распада» [7, т.1, 221]. Это дыхание способно исказить замысел Божий.

Наряду с райским топосом в произведениях Ходасевича выстраивается и альтернативный демонический мир. Земля воспринимается как поле битвы двух противоположных начал, рай и ад становятся объектами человеческого выбора. Известная концепция Достоевского, согласно которой душа человека есть поле битвы Бога и дьявола, остается актуальной и в творчестве Ходасевича.

Негативная оценка грешного земного мира, отступившего от сакральных констант бытия, находит выражение также в стихотворении «День». Как и во множестве других произведений Ходасевича, в нем противопоставляется здешний мир, где обитает душа поэта, и потусторонний, являющийся местом ее устремлений. Однако предметом непосредственного изображения становится реальная действительность, нижний ярус бытия. «Здесь хорошо», – иронизирует поэт. Если в стихотворении «Бельское Устье» указание «здесь» относилось к позитивно воспринимаемой картине мира, то в «Дне» оценка земного пространства приобретает саркастическую окраску, поскольку далее выстраивается яркий образ анти-рая. Злой и лживый ветер, «дыханье пыльной суеты», «усыпительный покой», «ленивая прелесть земли» – все эти статические атрибуты действительности контрастируют с динамическим образом бесовщины, кишачей в человеческом мире:

Идут под музыку солдаты,
И бесы юркие кишат:
Там разноцветные афиши

Спешат расклеить по стенам,
Там скатываются по крыше
И падают к людским ногам.
Тот ловит мух, другой танцует,
А этот, с мордочкой тупой,
Бесстыжим всадником гарцует
На бедрах ведьмы молодой...
[7, 208].

С одной стороны, изобразительный ряд стихотворения близок динамизму гоголевского стиля, гротескной остроте и фантазмагоричности его образов. В то же время сатирическое начало перекликается и с произведениями современника Ходасевича М. Волошина, написанными в послереволюционной России. В том же году, когда Ходасевич работает над стихотворением «День», Волошин начинает стихотворение «Северовосток» словами: «Расплясались, разгулялись бесы / По России вдоль и поперек» [2, 168]. Образ северовосточного ветра, сопровождавшего бесов, появляется и в другом волошинском стихотворении – «Террор», где превалирует монотонная перечислительная интонация в описании кровавых событий гражданской войны, ее будничной «работы». Сопоставление этих произведений позволяет сделать вывод о том, что оба поэта негативно оценивали происходившее в России. Но Волошин склонялся к социально-исторической конкретике, Ходасевич же, солидаризируясь с ним во взглядах, стремился к философскому осмыслению событий. Такой мир, где длится бесовская «блистательная кутерьма», воспринимался им как духовное рабство, «темно-лазурная тюрьма», из которой невозможно вырваться. «Усыпительный покой» убаюкивает души людей, в то время как бесы правят миром. Характерно, что стихотворение Ходасевича «День» заканчивается словом «набат». Но с ним связано не активное противостояние нечисти, а только сожаление, что даже священнослужитель, призванный бороться с демоническим началом, «не догадается ударить / Над этим городом в набат» [7, 208].

Ощущение неблагополучия в человеческом мире выражается в произведениях Ходасевича и с помощью устранения самой оппозиции небесного и земного мира. Такая пространственно-временная модель лежит в основе стихотворения «Март». Здесь происходит сближение двух миров, но не за счет сакрализации дольного, а скорее за счет снижения горнего мира: «Не чудно ли? В затоптанном и низком / Свой горний лик мы ныне обрели» [7, 232]. Оказывается, небесный мир – это перевернутый земной, всего лишь иллюзия, поскольку мы «в тротуары смотримся, как в стекла», а «...там, на небе, близком, слишком близком, / Все только то, что есть и у земли» [7, 232]. Весенняя слякоть («размякло, и раскисло, и размокло») создает образ удушливого мира, где «так тяжело вздохнуть», где вода становится гибельной стихией. Новый взгляд на мир, когда «затоптанное» и «низкое» расценивается как отражение «горнего» мира, был связан с переоценкой ценностей. Этот «новый», перевернутый петербургский мир возник в сознании Ходасевича под воздействием исторических событий 1917 – 1920 годов и связанных с ними, но не оправдавшихся надежд на обновление страны и изменение жизни.

Чувство разочарования со всей отчетливостью выразилось в стихотворении «Искушение», где опять актуализировалась оппозиция земное / небесное. Стихотворение было написано в годы НЭПа. В нем нашло отражение отношение поэта к процессу возрождения буржуазных ценностей. Первая часть стихотворения строится на противопоставлении поэта, голодного сына гармонии, и «благополучного гражданина», получившего «свободу торговать» абсолютно всем, вплоть до результатов революции: «Я прячу выручку дневную / Свободы в огненный колпак» [7, 201]. Ироническая оценка постреволюционной России представлена в монологе «злого сердца». Оскорбленное сердце призывает душу поэта отвернуться от земного несовершенства и обратить свой взор в небеса, но душа отвергает это искушение. Для нее небесный мир, лишенный человеческих страстей, не может быть признан совершенным. Комментируя это стихотворение, Ходасевич писал: «Те ошибутся, кто в нем увидит неприятие Революции. В нем только сердце, оскорбленное, как говорится, в лучших чувствах своих, некоторыми предателями Революции, обращается к душе с язвительным искушением. Но в последних двух строчках услышим ответ души, у которой – своя, большая правда» [6, 386].

Обывательский образ жизни, бессмысленная бесконечность ежедневного ритуала осмысляется Ходасевичем как преддверие вселенской катастрофы. В диптихе «Из окна» перечисляются обыденные бытовые ситуации, символизирующие упорядоченность, логическую выверенность бытия. Минутный сбой в программе («конь умчался своенравный», «мальчик змей свой упустил», «вор цыпленка утащил / У безносой Николавны») с завидной быстротой устраняется, и восстанавливается стабильный механизм жизни. Этот возврат к «стройности первоначальной» воспринимается поэтом как «тихий ад».

Во втором стихотворении мини-цикла «Из окна» Ходасевич рисует картину разрушения статического равновесия. Накопившийся протест против рутинного бытия вселяет в героя пред-

чувствие надвигающегося взрыва. Апокалипсические события могут начаться с частного случая: «Все жду: кого-нибудь задавит / Взбесившийся автомобиль». Но это событие может послужить только толчком к последующему: «И с этого пойдет, начнется: / Раскачка, выворот, беда» [7, 209]. Душный ад повседневности сменится динамичным процессом возмездия человеческому роду за утрату высокого предназначения. Но апокалипсические видения не пугают поэта, они вполне отвечают его надеждам: «Начнется все, чего хочу» [7, 209]. Это «все» включает библейские картины Страшного Суда. Многие образы стихотворения восходят к «Откровению святого Иоанна Богослова». Строка «звезда на землю оборвется» перекликается с евангельским пророчеством конца света: «И звезды небесные пали на землю» [Откр. 6: 13]. О том, что мир погружается во мрак, свидетельствует в стихотворении также образ солнца, который ангелы потушат, «как утром – лишнюю свечу». Этот эпизод тоже запечатлен в Библии: «Четвертый Ангел вострубил, и поражена была третья часть солнца, и третья часть луны <...>» [Откр. 8: 12]. Библейское происхождение имеет также и образ «горькой воды»: «... и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки» [Откр. 8: 11]. Отсутствие света и горькая вода, уничтожающая жизнь на земле, предвещают всеобщую катастрофу, крушение устоявшегося миропорядка и торжество хаоса.

Исследование показало, что пророчество о движении человеческого бытия в кромешную тьму и хаос опиралось на восприятие поэтом исторических событий, свидетелем которых поставила его судьба. Разрушение мира, по Ходасевичу, является одним из следствий развития цивилизации. Оригинальностью художественной трактовки Апокалипсиса Ходасевичем является то, что в сборниках «Тяжелая лира» и «Европейская ночь» бессмысленный упорядоченный образ жизни обывателя осмысливается поэтом как преддверие вселенской катастрофы, которая может начаться в условиях привычной бытовой ситуации и разрушить статическое равновесие, стабильный механизм жизни. Душный ад повседневности сменяется динамичным процессом возмездия человеческому роду за утрату высокого предназначения: отсутствие света и горькая вода, уничтожающая жизнь на земле, предвещают всеобщую катастрофу, крушение устоявшегося миропорядка и торжество хаоса. Перспективным представляется дальнейшее рассмотрение данной проблематики в рамках эмигрантского периода творчества В. Ходасевича и других поэтов-эмигрантов.

Список использованной литературы

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. – М. – СПб. – Миккели, 1993.
2. Волошин М.А. Стихотворения. Статьи. Воспоминания современников / М.А. Волошин / [вступ. ст., подгот. текста, коммен. З.Д. Давыдова, В.П. Купченко] – М. : Правда, 1991. – 480 с.
3. Лотман Ю.М. Текст в тексте / Ю.М. Лотман // Труды по знаковым системам. XIV. Учен. записки Тартуского ун-та. Вып. 567. – Тарту : Изд-во Тартуского университета, 1981. – С. 3-18.
4. Ревзина О. Г. Лингвистические основы интертекстуальности / О. Г. Ревзина // Текст. Интертекст. Культура Материалы международной научной конференции. – М. : Азбуковник, 2001. – С. 60-63.
5. Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности, или ицтертекст в мире текстов / Н.А. Фатеева. – М. : АГАР, 2000. – 280 с.
6. Ходасевич В. Стихотворения / В. Ходасевич : [вступ. стат. Н.А. Богомолова, сост. текста, примеч. Н.А. Богомолова, Д.Б. Волчека]. – Л. : Сов. писатель, 1989. – 469 с.
7. Ходасевич В.Ф. Собрание сочинений : в 4 т. / В.Ф. Ходасевич. – М. : Согласие, 1996. – Т.1 : Стихотворения. Литературная критика :1906-1922 / [сост. и коммент. И.П. Андреевой, С.Г. Бочарова]. – 1996. – 591 с.

Summary. Research presents an attempt of new understanding of poetic conception of existence biblical archetypes and reminiscences in the poetry of V.Khodasevich. Christian tendency in his art system contributed to special comprehension of the universe, existence of humanity, history through Christian subjects, characters, motifs. It is proved that biblical and mythological reminiscences extend author's picture of the world.

Key words: *intertext, archetype, poetic conception of existence, sacred words, poetic picture of the world.*

Отримано: 11.06.2012 р.